

ДОБРАЯ РАЯ И ЗЛОЙ ПЕТУХ

АНТОН ПРУС
Окончил 1-й Медицинский институт имени Сеченова, Библийско-богословский институт св. ап. Андрея, учился в Oxford University, Theological Faculty, Balliol

College. Автор десятков статей по богословию, фотоделу и природоохране. Отец четверых детей. Автор Трилогии «Нак я не стал: хорошим мальчином. Сумасшедшим. Богословом».

Как только я увидел тетю Раю, то сразу понял, что она колдунья. Или Баба-яга, или ведьма. Ну ведь не может быть такого лица у хорошей бабушки! Все сморщенное, темное, на нем большой нос, всякие бородавки, родинки и шишечки. Уши большие торчат из-под платка, да еще при этом волосатые, ну как у нашей собаки Трезора, он на цепи у нас живет в будке рядом с домом. Волосы у него на ушах даже короче, чем у Раи. Я это увидел, пока мама держала меня на руках, у калитки, а тетя Рая зашла поговорить с бабушкой. Ну я и заорал от страха. Страшными были даже не ее лицо и уши, а зубы. Их было три, они были желтые и очень длинные, такие у людей не растут. Только у волков там всяких. А когда Рая говорила, то язык между этими страшными зубами как-то бегал, мокрый такой, и звук такой шлепающий был, как будто у нее чай во рту, или так у детей еще бывает, когда зубы выпадают. Я и сказал ей, когда покричал немножко, что у нее зубы как у волка. Громко сказал. Мама засмеялась, а потом замолчала, а бабушка только рукой рот закрыла. Может, зубы прикрывала, но у нее зубы не такие страшные, гораздо лучше. А тетя Рая заплакала, отвернулась и ушла к себе в избу. Ее изба была совсем рядом с нашей, через дорогу. Перед калиткой был мостик и скамеечка маленькая. А вдоль забора росли сосны с каждой стороны канавы. Но я туда не ходил никогда. Там жил мой враг.

У тети Раи был огромный петух, примерно с меня ростом. А когда он расправлял крылья, вытягивал шею вверх и начинал кукарекать или даже кричать, так что все курицы разбежались в стороны, я сразу бежал за нашу калитку. И он был такой же безобразный, как сама Рая. Зубов у него, конечно, не было, а бородавок и шишек на гребешке и вообще на всей голове было много. Глаза у него были черные-пречерные, а вокруг глаз огненный ободок. Ноги у него всегда были грязные, и он часто бил ими по пыли, грязи, по лужам, ну прямо как конь. У нашей калитки дедушка сделал песочницу, где я играл. Но даже в песочнице, недалеко от калитки, было очень страшно, потому что петух выслеживал меня, опускал голову и начинал разбегаться, медленно так, но все быстрее и быстрее, потом раскрывал крылья... тут обычно я уже был за калиткой. Однажды я не заметил его нападения, и он очень больно клюнул меня в ногу и в попу. И главное, было очень страшно, так страшно, что я не смог дальше бежать, потому что ноги перестали слушаться. Я упал на дорогу лицом вниз, закрыл голову руками и страшно закричал. Хорошо, дедушка выскочил из сарая, услышав мой крик, и с лопатой понесся на петуха. А петух даже не сразу от меня отстал, только увертывался от дедушкиной ноги и продолжал кричать и как-то рычать. Ужасный был день. Больше в тот день я на улицу не выходил. А дедушка пришел до-

мой и сказал бабушке, что сходил к Райке и сказал ей, что если ее петух еще раз нападет, то он его убьет. Я, конечно, не поверил, что такого петуха вообще можно убить, и решил, что больше на улицу вообще не пойду.

На следующий день родители собрались к прабабушке Мальвине, она жила на другом конце деревни. Но я наотрез отказался выходить из дома. Тогда папа взял и посадил меня на шею. Так высоко петух не запрыгнет, думал я, но все время оглядывался – не бежит ли он за нами? У прабабушки жили злые козы, царапучая и все время шипящая кошка, был глубокий пруд с гнилыми мостками перед ним, в пруду сидели красивые тритоны, вокруг пруда росло много крапивы и кусты крыжовника с огромными колючками, они цеплялись за ноги, и ходить там было очень больно, но и не ходить нельзя было, иначе тритонов не увидишь, а зачем еще к прабабушке идти? Ходить по огороду было раньше страшно. Но без петуха все казалось безопасным и очень приятным!

Когда мы вернулись домой к бабушке, у нас в гостях была тетя Рая. Она и бабушка сидели на кухне, а я захотел есть и встал на пороге. Тетя Рая увидела меня, прикрыла рот рукой, хотя видно было, что она улыбается, и спросила строгим голосом:

– Что, Антош, не нравлюсь я тебе, не возьмешь меня замуж?

– Нет, – сказал я, – ты же старая!

Она рассмеялась, даже руку ото рта убрала, так что я опустил голову, чтобы не видеть ее зубов. Но на всякий случай я тихонько спросил бабушку, можно ли мне не брать ее замуж? Тут все стали смеяться, так что я и не понял, должен ли я теперь жениться на старой Рае или нет, и пошел плакать к маме.

Но потом мы помирились с Раей, потому что петуха она запирала в сарае и он больше не мог гулять по улице. Он кричал из сарая, наверное, он хотел бы меня заклевать, поэтому и кричал, но выйти не мог и злился в темноте. А подружился мы так. Я играл в песочнице, а Рая сидела на своей маленькой скамеечке, рядом с ней стояла ее коза Зойка, ее звали как мою маму, а рядом с козочкой бегал маленький козленок. Мне очень хотелось его погладить, и я все время смотрел на него. Рая увидела это и позвала меня. «Петуха нет, заперт он, – сказала она. – А Мухтар добрый, он не тронет». Мухтар – это ее пес. Красивый такой, как в фильме про Лесси, только он не бегал, а ходил. Я подбежал к Рае, козе, козленку и Мухтару, погладил козленочка, а он меня немножко боднул. Он был

еще совсем без рогов, только маленькие бугорки были на голове, и было не больно. Я спросил, как зовут козленка, и Рая сказала, что ну, наверное, Антошка. А я спросил, а его папу что, зовут Борька, как моего папу? Рая долго смеялась и сказала, что да, но только никому не говори. Потом Рая мне даже принесла козьего молока, оно было вкусное, но пахло не как коровье, и было густое, почти как кисель.

Я стал дружить с Раей. Часто ходил к ней. А она показала, где у нее растут белые грибы, и сказала, что это секрет, и чтобы я дедушке не говорил, потому что он шустрый, все соберет и ей не останется. А грибы росли вдоль ее канавы, где были большие сосны, на которых висели вороньи гнезда, и вороны там всегда сидели и громко каркали. Но росли под соснами не только белые грибы, но и сыроежки и волнушки, и белые грузди, и подберезовики. Я много грибов с ней тогда собрал, но никому дома не сказал, где я это нашел. Дедушка даже хмурился, потому что это же обычно он белые находил на нашем огороде, вдоль забора, а тут я принес. А я все равно не сказал, откуда грибы, и дедушка решил, что это я вдоль забора Раи Злой нашел. Да, я же забыл рассказать, что у нас была Рая Злая. У нее и забор был высокий и такой плотный, что ничего не было за ним видно. И на цепи у нее был не Мухтар, а безымянная огромная немецкая овчарка. И ее дом тоже был через дорогу, через улицу Чкалова, в сторону колодца. Я сразу, по дедушкиным словам, понял, что и к этому забору нужно сходить за грибами. А дружить с Раей Злой мне не хотелось. Она со мной даже не здоровалась никогда. Иногда она выскакивала из своей высоченной калитки с какой-то клюкой, когда я на велосипеде катался с мальчишками и мы кричали громко, наверное. Она бросалась на нас и кричала, что всех нас в тюрьму пересаждает, что мы бездельники. И дедушка даже ей однажды при нас сказал, чтобы она не высовывалась из своей норы, не приставала к детям и что нам надзиратель не требуется. Поэтому вдоль ее забора грибы собирать было страшно, хотя там и правда росли белые, иногда и очень большие. Я ее однажды увидел сквозь забор, она приближалась ко мне со своей клюкой и шипела, что если еще раз меня увидит здесь, то посадит меня в тюрьму за воровство. Я спросил у бабушки, можно ли посадить за воровство, если собираешь грибы со стороны улицы, а не на чьем-то огороде. А бабушка сказала, что не нужно ходить к забору Раи Злой, от греха подальше. Не знаю, как она поняла, что я про тот забор спрашивал.

А потом мама уехала в Ленинград. Я не знал, что она уезжает, она мне не сказала. Она просто вдруг позвала меня и попрощалась. Я сначала не понял, но, когда она взяла сумку и пошла к калитке, тут я страшно закричал, чтобы она меня не оставляла, что я поеду с ней, что мне ей нужно кое-что показать, что нужно к лесу сходить, и на речку, и обязательно с ней, так как она этого ничего не видела. Наверное, я плохо объяснял, да и слова, когда плачешь, не так получаются, как обычно, потому что слезы мешают, и сопли, и как-то икаешь, что ли. И кажется, что мама тебя навсегда оставляет, потому что она ведь не сказала, что она придет через два дня, не сказала, что к врачу поехала или еще куда-нибудь, а значит, она меня бросает! Иначе зачем меня дедушка схватил и держит, и не пускает к маме, и зачем бабушка плачет тоже, разве она бы плакала, если все было бы нормально, как всегда, если бы мама вернулась, то она бы точно не плакала. Да и дедушка вон тоже плачет. Почему тогда все плачут, почему? Потом я очень устал, мама уехала. Я ел суп, а когда смотрел вниз, на тарелку, то видел свои щеки, и ресницы, и нос. И слезы иногда капали в тарелку. Я не доел суп, потому что он был холодный и со слезами. Потом я немножко поспал после обеда, не потому, что маленький, а потому, что бабушке для нервов нужно после обеда поспать, и она очень рано встает, а я бы балбесничал и мешал ей спать. Во сне я видел козленка, я на нем скакал, а он мне что-то рассказывал, но я не запомнил что.

Когда я проснулся, то бабушки уже не было. Я вышел из дома, повернул за угол нашего забора и сел на мостик через канаву. Стрекотали кузнечики, у забора цвела земляника, но уже были и ягоды, только не совсем спелые. А я смотрел туда, где вдалеке стоял колодец, и еще дальше, где стоял черный дом с красивыми резными ставнями, и еще дальше, где жил огромный дог, такая собака с черными и белыми пятнами, и еще дальше, туда, где жила почтальониха, та, у которой сын очень давно утонул и она от этого сошла с ума. И дальше, дальше, где была баня, а за баней пивной лягушатник, как его папа называл, а еще дальше была платформа, от которой уезжала электричка с мамой. Электричка, наверное, уже давно уехала, и мама была дома, без меня. Зачем вообще маме быть без меня? Что она может делать без меня? Как она может что-то делать без меня? Вон бежит ящерка, а за ней другая, маленькая. Наверное, это ее сын? Вон вороны на гнездах, со своими детьми. И даже петух у Раи со своими курицами и цыплятами. И козочка с козленком. А мама уехала. В Ленинград. Все расплылось

у меня в глазах. Я сорвал незрелую землянику и съел. Ну и пусть, подумал я. Вот наемся зеленой земляники и умру. Но много ягод я не нашел. Зато очень проголодался и немножко замерз. Я пошел к бабушке, потому что она меня не бросила, не предала, не уехала. И потому что блинов мне все равно хочется, а умирать нет. И вообще бабушкины блины лучше маминых. У бабушки Шуры, тут, в Любани, блины толстые, румяные, а дедушка ест их со свиными подсоленными шкварками, мне раньше со шкварками не нравилось, а теперь я их ем, как дедушка, только дедушка блин пополам складывает, на вилку накальвает, в блюдечко с теплыми шкварками макает, а они в горячем жире плавают, и сразу в рот кладет. А я так не могу сразу, мне бабушка блины на кусочки режет, и я на эти кусочки шкварки кладу, а потом ем. А еще их хорошо и со сметаной, и с вареньем, и даже просто так, даже холодными. Нет, наверное, пока умирать не буду, пока на свете такие блины бывают!

Мама долго не приезжала, дня три. А еще и дедушка заболел, и его увезли в больницу. А бабушке нужно было его навещать. И тогда бабушка меня спросила, не хочу ли я немножко пожить у Раи, ну, совсем чуть-чуть, одну только ночь. Наверное, бабушка боялась, что я опять начну кричать, как с мамой. Но она же мне все нормально объяснила и про дедушку в больнице с воспалением легких, и то, что ей нужно ему еды отвезти и с доктором поговорить. И что потом ей нужно на работу рано утром в магазин. Я даже не расстроился, потому что у Раи было интересно, все по-другому и в доме, и в сарае, и в огороде. У нас было очень аккуратно: цветник с ровными грядками и разными цветами – георгинами, флоксами, ноготками, настурциями, да много чего еще. Ровные грядки с картошкой, красивые небольшие яблони, парники. Бабушка постоянно все что-то делала в огороде, а дедушка в сарае. У него даже горн был, и он ковал там оградки для кладбища, если кому нужно было. А у Раи везде валялся мусор, яблони были огромные и с сухими ветками. Курицы были грязные, в огороде были не грядки, а как-то все росло вперемешку – и смородиновые кусты, и морковка. У нас куст ревеня был самым центром огорода, его листья с красными черешками были такими огромными, что даже кошка иногда спала на них, а они не ломались. А когда высоченная стрелка ревеня с мелкими цветками начинала расти вверх, то казалось, она может достать до низких облаков! А у Раи в центре огорода был пруд, покрытый зеленой ряской, и там всегда квакали лягушки.

Так я попал к Рае в дом. Да, там все было совсем другим. Бабушка не то что кур, она и кот в дом не пускала, он мог ходить только в сених. Что уж про Трезора говорить, он и в дом зайти не мог, он жил в конуре, только иногда дедушка брал его в лес. А у Раи курица ходила по кухне, клевала что-то на полу. Мухтар лежал на полу в доме и тихонько грыз перекладину табуретки. Рая сказала, что у него зубки болят, он же старенький. Я его погладил, и он тихонько постучал хвостом по полу, а потом лизнул мою руку. Он был очень добрый. Когда Рая пошла за водой на колодец, я решил покататься на Мухтаре, но все не мог на него залезть. Когда он лежал, и я залезал, то после того, как он вставал, я сразу падал, один раз даже головой об печку. Я испугался, но потом оказалось, что печка еле теплая и бояться было нечего. Наконец Мухтар сел, я сзади залез на него и взялся за шерсть на шее. Как только он встал, я начал сползать и схватил его за уши. Тут вошла Рая с водой, Мухтар радостно завил хвостом и опустил голову. Тут я и упал чуть не в ведро с водой. Тогда Рая увела Мухтара в сени и заперла его там. Тот немножко поскулил и затих, наверное, уснул.

После обеда я лег на Раину кровать, а она включила радио. Радио у нее было такое большое, черное, с поперечной досочкой какой-то, я раньше такие только по телевизору видел в фильмах про войну. По радио ничего интересного не передавали, и я заснул. После сна мы пошли за козами на другой конец деревни, там пастух, оказывается, пас коз на поле, и все жители деревни вечером забирали своих коз. Вот почему козы по вечерам приходят домой. А я думал, это они сами, ну, гуляют. По всей дороге валялись горошины козких какашек. Мы шли с козочками, а Рая мне рассказала, что, когда я был совсем маленький, только начал ходить самостоятельно и Зойка была маленьким козленочком, я стал подбирать маленькие круглые какашечки козленка, наверное, подумал, что это конфеты или изюм, и ел их. Целый рот набил ими и не давал дедушке выковырять их из меня! Я не поверил, конечно, ведь ладно одну какашку, но набить целый рот ими – как это можно, они же по вкусу вряд ли на изюм похожи? Рая только смеялась. Я тоже смеялся, больно смешно было себя представить с полным ртом козых какашек.

Мы поужинали с Раей, она пожарила белые грибы с картошкой и луком. У нее было вкусное варенье из красной смородины, а чай был невкусный. А потом я лег спать. Я так и не понял, где Рая спала, так как кровать была одна в доме. Но перед сном я по-

просил ее рассказать мне сказку, и она рассказала про свою жизнь, про мужа, который умер, про войну. Все это было совсем не как в сказке, а и скучно, и страшно одновременно. Было так странно лежать в жаркой большой чужой кровати. В окне светил другой фонарь, не как у меня в комнате. За ковром у Раи не было обоев, как у нас в доме, у нее просто были шкаф, комод, полка и ковры на стенах. Но часть стен – это были просто бревна. Так вот, за ковром, под кроватью, шуршали мыши, а может, крысы. Но приятнее было думать про мышей. И тут я вспомнил, как дедушка разбирает старый сарай, чтобы потом построить новый, и под полом мы нашли маленькое гнездышко с розовыми малюсенькими крысятами. Я взял одного в ладонку и принес бабушке. Я не знал, что бабушка может так громко кричать и быстро бегать. А когда я вернулся к крысиному гнезду в сарае, то увидел дедушку, который рубит маленьких крысят лопатой. Я стоял и плакал. Кричать как бабушка мне не хотелось, но было так жалко крысят и того, что они слепые, розовые и голенькие, совсем без волосиков, что они жалобно пищали, потому что их мама убежала, как моя мама недавно, что их домик был разрушен, а потом их вообще убили лопатой. Это было очень страшно, очень несправедливо. Я с дедушкой долго потом не разговаривал, хотя он и лук со стрелами мне сделал, и гайку с пером на веревочке в небо запускать научил. И вот я лежал на Раиной постели, и мне было хорошо, что ее крысята или мышата в безопасности, как я под одеялом, что их мама, наверное, с ними рядом.

А потом приехала мама. Я ее сразу простил и обрадовался. И мы пошли с ней на рыбалку. Я учил ее ловить, но она очень боялась червяков. Она вываливала из банки червей, а я ругался, потому что их копать было трудно и вот так разбрасывать их было неправильно, ну не хватит же потом. Вот она вываливала червей в траву и ждала, пока червяк сам наползет на крючок, чтобы забросить его. Ну, конечно, мне приходилось самому насаживать червяка, а то он бы просто уплыл в воде, кто же этого не понимает?! Рыбы мы не наловили, потому что мне приходилось и маме помогать, и червей спасать, и свою удочку забрасывать. Клевало немножко, но я не успевал подсечь и очень расстраивался. Но все равно было так здорово с мамой ловить рыбу. Очень здорово. Жалко, что это был только один раз в жизни, когда мы рыбачили с ней вместе.

А потом лето кончилось. Ну, не прямо сразу, мы с дедушкой и в лес за грибами ходили, и за малиной. И даже на речку, и он наловил много уклек и плот-

вичек. И с папой за раками мы ходили, ну, много интересного было. А в конце лета мы набрали цветов в огороде и уехали. Теперь уже бабушка плакала, а я нет. Но я ей сказал, что мы еще приедем, что плакать-то зачем, что меня в детском саду ждут и что скоро зима и мы приедем тут ледяную горку строить.

Да, конечно, зимой мы приехали. Дядя Сережа, мамин младший брат, вместе с папой построил нам и горку из снега, только мы ее быстро сломали с Мишкой и Валеркой, моими братьями, потому что дрались, ну, кому первому ехать. А он потом еще и целый дом построил: сначала расчистил тропинку вдоль забора и кидал снег в канаву, где и так снега много было. А потом он в самой канаве сделал тоннель, очень длинный! Мы там как бы жили. Только бабушка нас выгнала оттуда, потому что нас могло бы завалить снегом и мы бы задохнулись там. А дядя Сережа тогда разбежался и прыгнул сверху на этот дом и провалился туда внутрь. Он не задохнулся, а засмеялся, а мы закричали, что ну зачем он такой классный дом сломал? Но все равно это было весело!

Утром я вышел на улицу и пошел к дому тети Раи. Во дворе ее дома были чужие люди, и они сказали, что Рая умерла, а Мухтар убежал. Я спросил про петуха, но они ничего не ответили. На дворе, в снегу, валялось старое черное радио и какие-то вещи. Ни козочки, ни козленка не было. Снег во дворе у Раи был грязный, не как у нас, у нас только веселенький песочек был на скользком снегу, чтобы не упасть. Скамеечку у Раиной калитки занесло снегом, дорожка вдоль забора, там, где я летом собирал грибы, – не расчищена. Незнакомые люди ругались. Я вернулся домой. Все смотрели телевизор, там кто-то пел. Я лег на диван рядом с бабушкой, положил голову на ее живот. Я любил ее смешить, чтобы живот колыхался, а моя голова при этом высоко подпрыгивала. Я тогда говорил, что у бабушки в животе лягуха большая, а она еще больше тогда смеется, и мне еще веселее. Но теперь смеяться не хотелось, я думал про Раю, про Зойку и Антошку, про их папу, про то, куда, интересно, это они пропали... Я спросил у бабушки, когда она умрет, но она сказала, что я глупости говорю, и я пошел спать.

Я лежал в постели, в маленькой комнате напротив кухни. Над моей кроватью горела крохотная лампочка в виде красивой розочки – это чтобы мне не страшно было ночью, папа купил. Я думал, что было бы лучше, если бы Рая сказала мне, что она скоро умрет, а не просто исчезнет, как мама, когда она уехала. И лучше бы бабушка рассказала, когда

и почему она сама умрет, и тогда бы никто не переживал, что люди умирают, все бы знали и ждали, готовились. А так мы как крысята умираем, будто был дом у нас, и его не стало, и это так неожиданно для всех. Я представил, что кто-то с огромной лопатой стоит над нами, сначала смотрит, совсем без любви, без сожаления, может, даже выбирает, кто слабее, а потом опускает ее на нас, и мы исчезаем, так и не узнав, что же будет дальше, не узнав, что потом про нас кто-то вспомнит, как я про Раю, про крысят, про козочек, а на месте, где мы жили, где мы умерли, просто построят новый сарай, и то, что было до этого, просто перестанет существовать. И почти уже во сне я сказал шепотом, что я не забуду тебя, Рая, и что ты не Баба-яга, что ты даже красивая, но, честно, жениться на тебе я бы не стал, а просто ходил бы и ходил в гости, если бы ты не умерла!

Апрель 2020 года

КАК Я НЕ СТАЛ ХОРОШИМ МАЛЬЧИКОМ

Я старался быть хорошим мальчиком. Или, может, я старался сделать приятно бабушкам и дедушкам, маме и папе. Они говорили, вот так себя хорошие мальчики ведут, а вот так, мол, не ведут. У меня это возражений не вызывало. Я, правда, этих хороших мальчиков никогда не встречал. Мои братья – Мишка и Валерка – такими точно не были. Они были вредными, плаксивыми и жадными. Ну как обычные мальчики, как все мы. Конечно, если меня спросить, люблю ли я их, то да, люблю. Непонятно почему, но люблю, так хорошие мальчики и поступают – любят братьев. Пожалуйста, спрашивайте меня, и я отвечу – люблю, делов-то... Я когда-то давно сказал, что не люблю брата, и маме это очень не понравилось. Но не могу же я всегда всех любить. Иногда хочется собаку любить или мороженое, и одновременно с мороженым брата любить совсем невозможно, зачем же спрашивать. А иногда еще просили отдать что-нибудь брату, игрушку или велосипед, и говорили, что это потому нужно сделать, что я же люблю брата. Вот в таких случаях это совсем неправда была, никого я не люблю, когда велосипед отбирают.

Папа, по его рассказам, когда он жил в Одессе, бегал к Черному морю через заграждения из колючей проволоки, так что один раз в нее со всего маху и влетел, вырвав из ноги кусочек мяса. Он и шрам на ноге показывал. Шрам такой треугольный, классный! Только нога у папы там волосатая, поэтому

шрам плохо видно. Еще он чихал в чернильницу на уроке, так что чернила разлетались по всей парте и на лице чернильный взрыв как бы появлялся. Еще он дрался со своими братьями, кто же с братьями не дерется, они для этого и живут рядом, чтобы было с кем драться, так чтобы не страшно. С чужими драться страшно, а со своими – интересно, потому что понятно, что они сильно не побьют, потому что их самих тогда родители отлупят! Ничего из папиных рассказов не делало его хорошим. Но и он считал, что мне нужно быть хорошим мальчиком. Мама в детстве вообще не знала, что есть мальчики, потому что училась в школе, где только девчонки. А потом, когда стала учиться вместе с мальчиками, то они ей сначала показались очень противными, потом, и тоже все сразу, – очень хорошими. А когда она их всех узнала поближе, то хороших среди них так и не оказалось. По ее словам, и папа, хоть и не мальчик, но далек от того, чтобы быть хорошим. Дедушка тоже рассказывал о всяких хулиганствах, как они на речку со своими деревенскими друзьями бегали и один мальчик даже утонул, и мама его потом сошла с ума, ходила по деревне, зажав уши руками, и кричала во весь голос. Потом замолкала, работала несколько дней, но, вспомнив утонувшего сына, снова бежала на улицу и кричала. Ни дедушка, а тогда он, конечно, мальчиком был, ни его друзья не спасли утонувшего. Не думаю, что они были ви-

новаты, но и хорошими мальчиками их назвать было нельзя. Того мальчика было очень жалко, но оказалось, что и он был не очень-то и хорошим, и стал прыгать с высоченного обрыва, хотя оттуда даже взрослые не прыгали. Ему говорили друзья, что это опасно, но он не слушал и прыгнул. И утонул.

Но я-то другое дело, я надежда для мамы, папы, бабушек и дедушек. Они, наверное, не были надеждами для своих пап, мам и дедушек с бабушками, тогда все были очень заняты войной, голодом всяким там и трудностями жизни. Теперь же у нас самая лучшая страна на свете и очень нужны хорошие мальчики. Я не против. Пару раз я их спросил, знают ли они хороших мальчиков, не по телевизору, а в жизни, они задумывались и называли каких-то незнакомых мне мальчишек. Однажды, несколько лет спустя, я встретил одного из них, которых мои родители считали хорошим. Он курил в подъезде, плохо учился и гордился этим, ругался со своей мамой и был классическим хулиганом. Его поведение мне не нравилось, я ему не завидовал, наверное, было бы лучше, если бы он был хорошим, но вера в существование каких-то таинственных и незнакомых хороших мальчиков таяла. И еще было странно, что ни папа, ни дедушки не рассказывали о том, как они хотели стать хорошими, как им было трудно, были ли у них знакомые такие мальчики, а рассказывали совсем наоборот, как у них не получилось стать хорошими! И по рассказам чувствовалось, что они даже гордятся своими хулиганствами, а когда я хотел повторить их подвиги или просто спрашивал, можно ли и мне так, то они сразу становились очень серьезными и говорили, что сейчас это совсем другое дело и что они очень надеются на меня...

В детском саду вообще творился ужас, о котором родителям и рассказать невозможно. Ну, самое безобидное они иногда узнавали от воспитателей. То одна девочка украла у другой куклу, то один мальчик скакал голышом во время детского часа. То на прогулке кто-то нашел окурочку и пытался его прикурить. Но самые страшные тайны им были неизвестны! Поэтому говорить о том, что в детском саду могут быть хорошие мальчики, – смешно. Я и про девочек не уверен. Те, что не принимали участие в самых страшных заговорах и разбоях, грабежах и непотребствах, те были или ужасными дурами, ну совсем тупыми, и не называть их такими – это противоречило принципам хороших мальчиков – например, говорить правду. А были еще такие, ну, ну о-о-очень вредные, может, и не дуры, но кошмарные воображали. Одна такая девочка, всегда с огромным белым бантом, говорила с детьми как бабуш-

ка-диктор в телевизоре. И после каждой фразы еще осматривала детей, видимо, ждала, что ей станут аплодировать. Поэтому я ждал, когда детский сад закончится и начнется школа. Наверное, там должны быть хорошие мальчики, ну хоть чем-то лучше меня?!

Я готовился к школе. Я умел и читать, и писать, правда, писал я печатными буквами, но все равно это было понятнее, чем то, что писала прабабушка Мальвина. Она иногда передавала мне записки, но прочитать их не мог не только я, мама иногда говорила, что та пишет как курица. Я однажды повторил мамини слова бабушке, но та меня отругала, что, вот опять, хорошие мальчики так не говорят. Понятно, мама ведь не мальчик, ей можно. Мне казалось, что я к школе готов и, откровенно говоря, что мальчик я довольно уже хороший, и никого лучше на горизонте не было!

Школа началась. У меня был серый мышинный костюмчик, галстучек и берет. Сначала было весело, потому что все шли в школу с цветами, и я шел с огромным букетом гладиолусов, флоксов и спаржи. Спаржа была очень колючей, ее тоненькие веточки щекотали мне лицо. А флоксы очень вкусно пахли. Но на второй день все пришли уже без цветов, и было немножко грустно. Все, что было до школы, сразу стало таким несерьезным, и младшие братья стали не просто маленькими, но какими-то неинтересными. Их вопросы стали глупыми, даже и отвечать на них не хотелось. Я и не отвечал. Я становился таким хорошим, таким большим, таким умным мальчиком. В классе я читал почти быстрее всех, и когда провели конкурс на скорочтение, я занял второе место, после Аньки Першиной. Совсем чуть-чуть отстал, да и текст у нее был другой, и еще она читала без остановки, а я, когда увидел, что в песочных часах вот-вот кончится песок, перестал читать. Да и не важно, она же девочка, а они всегда тараторят, как птицы. И вообще, быть хорошим мальчиком – не значит быть лучше девочек, они как бы в другой команде. А среди мальчиков мало кто был рядом. Ну, по хорошести.

А потом нас стали принимать в октябрята. Ну, это маленькие ленинцы такие. Правда, больших ленинцев не бывает, и, наверное, нас нужно было называть просто – ленинцы, то есть самые хорошие дети на планете Земля. Нам рассказали про маленького Владимира Ильича Ленина, про его жизнь, про то, какой он был хороший мальчик, хорошо учился, мы даже его аттестат видели. Да, хороший. Но самое главное было не это, а то, что он бы очень красивый, особенно на октябрятском значке. Улы-

бающееся лицо, честные глаза, белые кудрявые волосы, а во все стороны торчат концы пятиконечной алой звезды. Очень красиво. Если честно, я таким красивым вообще не был. У меня была уродливая родинка на верхней губе, маленькие глаза и торчащие во все стороны волосы на огромной голове. Прабабушка Мальвина иногда рассказывала мне про боженку, она перебирала в руке черные бусы с крестиком и молилась на каком-то другом языке, мама сказала, что на польском и что молится она, чтобы не болеть. А я когда смотрел на маленького Ленина и сравнивал его улыбку и волосы со своими, то мне казалось, что я тоже больной. Я даже пошел в ванную, встал перед зеркалом и, представляя маленького Володю, потому что боженку я представить себе не мог, молился, чтобы стать таким же красивым и улыбчивым и чтобы меня не только мамапапабабушкаидедушка любили, но и все вообще. Ведь понятно, что чем больше людей тебя любят, тем больше ты становишься хорошим мальчиком.

Мама говорила, что я голову долго не мог держать, она как бы болталась на шее, и что медсестра в роддоме ей сказала, что с такой головой только дурачком может вырасти и что она, то есть мама моя, еще молодая и дай бог еще родит, может, даже и девочку! Да, и маленький Ленин был похож скорее на девочку с такими красивыми волосами. Мама была счастлива, что я и с такой большой головой не стал дурачком, она с гордостью все это рассказывала. Но я от таких рассказов стал задумываться, не дурачок ли я и не обманываю ли я всех вокруг. Ну, может, я и не был дурачком, но голова-то у меня и правда была такая большая, что даже генеральская фуражка дедушки была мне мала. Это я понял, когда его фуражку примеривал тихонько, я никому этого не рассказывал. Интересно, что вот шинель его мне точно не была мала, я даже однажды двумя ногами влез в рукав его шинели, причем сама шинель висела на вешалке, а пуговицы были плотно застегнуты. И вот голова, а дело было в шкафу, торчала именно там, где и у дедушки была голова, а из рукава торчали пальцы ног, они торчали оттуда, где должна быть рука. Это было очень смешно, потому что там было десять пальцев вместо пяти, и пальцы были очень маленькими. Я там даже застрял, хотя было очень уютно, и бабушка меня с трудом вытащила из шинели. А фуражка свалилась, и никто не заметил, что она мне мала.

И вот однажды в школе нас построили в пионерской комнате, и мы прочитали, точнее, повторили за старшей пионервожатой клятву октябрят – маленьких ленинцев, и нас всех приняли. Эта пионерво-

жатая была не учительница, а просто толстенная тетенька, которая работала в пионерской комнате, там еще всякие знамена были, блестящие горны и грамоты на стенах. Потом она однажды помогала мне макулатуру перевязывать. Только мне это не понравилось. Нет, макулатуру понравилось собирать, потому что я с папой о-о-очень много принес, но когда другие дети приносили макулатуру, и она была плохо связана, так что газеты и всякие бумажки разваливались, то нужно была ее покрепче связать. Пионервожатая попросила ей помочь. Я же самый сильный был в классе, вот и попросила. Я обхватывал бумажки руками, а она завязывала веревкой. Она просто не замечала, что у меня руки короче, чем у нее, и я лицом упирался в ее сиськи, ну, сиськи были не целиком, я же знаю, как они целиком выглядят, потому что несколько раз ходил с бабушкой в баню, в женский день. Там, правда, все больше старушки были, и сиськи у них были сморщенные и, что ли, длинные. Неприятные. Меня бабушка даже отругала в бане за то, что я на эти сиськи смотрел и лицо морщил, ну, от неприятности такой. Но девушки были, у которых там, где сиськи, почти ничего не было. Ну, я знаю, что про сиськи говорить не очень хорошо, но я же прямо лицом упирался в них, ну, в верхнюю часть, что ли. А еще хуже было, когда не прямо в них, а в ее пушистую кофту, такую ворсистую, что мне хотелось чесать лицо, а руки были заняты. Мы так много макулатуры связали, и, хотя я вытягивал шею и пытался убрать лицо, то кофта, то сиськи меня быстро находили и упирались в меня. Потом пришли какие-то дети с родителями, и пионервожатая повернулась ко мне, а лицо у нее стало очень красное, от макулатуры, наверное, и сказала, что я молодец и хорошо поработал, и немного ущипнула меня за щеку, не больно так. Я тогда прямо почувствовал себя очень таким хорошим мальчиком.

Мне, конечно, было обидно, что приняли всех, и Сашку Гаврилова, и Ленку Фаткуллову. Они читать почти совсем не могли и учились плохо. Я Сашке так и сказал, что, мол, зря его в октябрята приняли, что мне даже не хочется быть октябренок вместе с ним. Ну, правда, зачем быть хорошим, если самыми лучшими на планете всех подряд называют. А ведь если я не красавец, то Сашка вообще был хулиганом. Маленький такой, шустрый. Дрался постоянно, и с девчонками, и с мальчишками. Я ему только сказал про это, как он на меня с кулаками полез. Только он намного меньше меня был. А я не дрался никогда до этого, но когда он на меня полез, то я просто его оттолкнул от себя, так как испугался

очень, а он споткнулся о свой же портфель и упал, немножко даже в лужу, и поцарапал лицо об асфальт. Тут пришла учительница, и наша ссора улеглась, но мне было как-то не по себе, и я на перемене еще и Ленке сказал, что это неправильно, что ее в октябрюта приняли вместе со всеми. Да, она в футбол играет с мальчишками, кстати, очень неплохо играет, только ходит как-то странно, переваливается с ноги на ногу, ну, как медведи ходят. И читать она очень плохо может, мало слов в минуту. Так что это плохо, что и ее приняли. А она убежала плакать в туалет. Ну, уж не знаю, что уж тут плакать, когда ты стала лучшей девочкой на планете, хоть и незаслуженно. И вообще это подозрительно. Мальчики носят значок с маленьким Лениным, то есть с хорошим мальчином. Так пусть девочки носят там какую-нибудь хорошую девочку, ведь есть же, наверное, и хорошие девочки тоже, хотя я и про мальчиков-то сомневаюсь. А потом мне подумалось, что это даже интересно, что у Ленки будет значок Ленина, потому что звучит похоже – Ленка с Лениным. И может, и ничего, что ее приняли, в футбол-то она точно лучше меня играет, и бегаёт быстро, и даже лучше, чем ходит, не переваливается. Наверное, я ей зря все это сказал. На следующее утро, на перемене, я подошел к ней и сказал и про футбол, и про значок. А она опять заплакала и побежала прятаться в туалет. А другие девчонки шушукались и на меня смотрели хитро как-то, даже Анька. Анька Першина мне даже понравилась тогда, но все-таки она была как-то неприятно умная, что ли.

А после того, как нас всех приняли в октябрюта, оказалось, что теперь у нас не класс, а октябрютская дружина и что состоять она должна из октябрютских звездочек, а у каждой звездочки должен быть командир и что его нужно выбрать. Класс разделили на четыре части, и в мою часть попал и Сашка Гаврилов, и Ленка, и еще несколько детей, но не таких, как Анька, умных, а, ну, тихих, что ли. Мы стояли у окна, Сашка положил руки на подоконник, а голову на руки. На правой щеке был синяк и ссадина, руки исцарапаны кошкой, а на подбородке был еще синяк, которого вчера не было. Я спросил его, откуда это у него, и он сказал, что это его батя побил за грязные брюки. Он же вчера в лужу упал, когда мы подрались. Мне показалось, что хорошие мальчишки не зовут пап батями, но решил этого не говорить, а то он опять в лужу упадет и его снова дома будут бить. Как выбрать командира, нам не сказали. Сашка повернулся ко мне, Ленка тихо смотрела на меня своими маленькими глазками и как всегда переминалась с ноги на ногу, как медвежо-

нок. Только она тощая была очень и на медвежонка не похожа. Остальные дети стояли в сторонке, ждали, когда им все учительница объяснит. Тут на меня просто как бы вдохновение нашло. Я позвал всех поближе к окну и сказал, что нам нужно выбрать командира звездочки и что, если честно, я вижу только одного кандидата – себя. Все молчали. Я ведь и читаю быстрее всех в звездочке, и не дерусь, как Сашка. Саша, спросил я, ты же не станешь спорить. Он не стал, отвернулся к окну и сказал, что какой из него командир, что давай уж ты. Сашка, я это потом только понял, хоть и хулиган, но добрый. Не знаю, как это так получается. Не потому, что он мне стать командиром предложил, а просто сам по себе. Ленка смотрела на меня, потом опускала глаза, переминалась с ноги на ногу и снова смотрела. Другие дети тоже смотрели и молчали. Ну, так что, еще раз я обратился ко всем, вы выбираете меня? Ленка смотрела не отрываясь. Это меня как-то смутило и я добавил, что у меня и дедушка – генерал, и наверняка он придет в школу как-нибудь. Тут Ленка кхекнула и спросила, что, настоящий генерал? Конечно, сказал я. Октябрюта ведь не должны врать, особенно друг другу!

Вот так молчаливо меня и выбрали командиром, как самого хорошего мальчишки, и с тех пор я всегда был командиром, знаменосцем, председателем и так далее. Только ненадолго я себя почувствовал хорошим мальчином. Командиром звездочки быть легко. Совсем ничего не нужно было делать, я даже и не знаю, зачем было этих командиров выбирать. Только один раз у нас было собрание, кстати, на котором я понял, что мальчик-то я не самый хороший. На собрании говорили, что нужно помогать тем, кто хуже учится. Вот у тебя, Антон, есть Саша Гаврилов, ты бы с ним позанимался чтением. Ага, сказал я. А когда собрание закончилось и все стали собираться, то мой сосед по парте Сережка Гуляев – а Сережка был очень смешной мальчик, то есть он много смешного говорил, я так не умел и завидовал ему, но и немножко вредным он был, потому что смеялся он над всеми и надо мной, конечно, и про то, какой я командир, и про мою «уродинку» на губе, ничего страшного, но и ничего приятного, – и вот он залез под парту, достать там чего-то, а когда стал вылезать, то я закрыл крышку парты, ну, я не хотел сильно, но звук получился как по ведру ногой ударить, и я захохотал, конечно, и стал убежать от него. А Сережка сильно обиделся и разозлился. Я бегал гораздо быстрее и успел спрятаться в коридорной нише, где была застекленная дверь на балкон, и встал в углублении, вжавшись в стекло

двери. Минут через пять Сережка обнаружил, где я прячусь, и с разбегу обрушился на меня. Оказалось, что стекло в двери было уже разбито, и оно с треском посыпалось на нас. Мы в ужасе замерли, а вокруг нас сыпались куски стекла, постепенно вываливаясь из огромной двери, Сережке порезало руку, а мне пара стеклышек воткнулись в правую щеку под глазом, по щеке текла кровь. Первым нас увидел Сашка Гаврилов. Он после той драки, да и не драки, а так, в общем, стал со мной дружить и всем говорить, что меня уважает. Я правда не знаю, хорошо ли, что Сашка меня уважает, он же хулиган, его даже хулиганы из старших классов называли Гаврилой, и вот непонятно, хороший ли я мальчик, что у меня такой друг? Он как нас с Сережкой увидел, всех в стеклах и в крови, ну, немножко крови было все-таки, то побежал с криком «на помощь, они там друг друга убивают!». А мы просто стояли и не убивали друг друга, я сильно испугался, так что и осколков в щеке не чувствовал сперва. А Сережка плакал и говорил, что теперь его мать точно убьет. А я смотрел на него и удивлялся, что Сережкины уши стекла не отрезали, он очень лопухий был! Вообще очень много я тогда подумал, пока стекла падали на нас. Не только про Сережкины уши, хотя они прямо сияли на солнце и были видны какие-то прожилки в ушах. И слезы его были с маленькими искрами, и даже на его сопле была такая искра от солнца. Хотя на соплю я долго не смотрел. А думал я, что это хорошо, что мы не поубивали друг друга, и что мы, скорее всего, не самые хорошие, и что лучше бы нам дружить, и что зря я его крышкой парты по голове стукнул, и что Сашка молодец, что позвал учительницу, пока нас тут эти стекла на куски не разрезали.

На следующий день моя и Сережкина мамы пришли к директору школы. Моя мама молчала, а Сережкина страшно волновалась и кричала на меня, называла хулиганом и убийцей, что меня нужно отдать в детскую комнату милиции и много всего другого. Может, она еще и оттого кричала, что у нас до этого еще одна история была. Стройка была рядом со школой. Камни там всякие, доски... Вот мы, то есть я, и сделали катапульту. Камень, доска на нем, на один край доски кладешь камушек, а на другой конец прыгаешь с разбегу. Ну я камешки все больше, да больше подкладывал. А когда такой приличный булыжник положил и прыгнул, а потом отбежал, то увидел, что Сережка, ну да, он со мной был, он не видит, камни ищет, что булыжник падает и прямо в него сейчас попадет. Я ничего не успел сказать, только зачем-то подпрыгнул три разоч-

ка. Ну, камень в голову Сережке и попал. Крови не много было, у меня такое сто раз было. Но Серега в школу несколько дней не ходил. И вот теперь тут это стекло дурацкое. Моя мама продолжала молчать, а я боялся, что она скажет, что я не хулиган, а дурачок и что у меня голова большая, и думал про дедушкину фуражку, а потом вспомнил про то, как пальцы ног из шинели торчали, и улыбнулся. Тут Сережкина мама всплеснула руками и закричала еще громче, что этот бандит еще и улыбается. И тогда учительница попросила нас выйти с Сережкой из класса. Мы стояли в коридоре, у окна, недалеко от той двери на балкон, только она уже была заколочена фанерой. У Сережки была забинтована рука, а у меня щека замазана зеленой. Вроде я и не чувствовал себя виноватым, но ведь понятно, что на хороших мальчиков так не кричат и не стоят они в коридоре забинтованные. И Сережку жалко, ну, что по голове он так получил крышкой парты и что камень ему в голову попал. Но я же не хотел, просто поторопился немножко, слишком быстро он стал вылезать. А стекло на нас обоих упало, и это же Сережка меня толкнул, а не я его! Короче говоря, тогда я понял, что мне больше не хочется быть хорошим мальчиком. Нет, не потому, что хочется быть плохим. Просто нет их, наверное, хороших. Все мы просто мальчики, ну, кто не девочки! А, да, и из командиров меня изгнали, а кого назначили, и не помню уже, видимо, не такого хорошего, как я.

Апрель 2020 года

КРЕСТОНОСЦЫ И СЫРОЕЖКИ

Валерка сам виноват, он все время ноет, жалуется своему отцу. Я жил тут у бабушки спокойно, за грибами с дедом ходил, картошку окучивал, книжки всякие читал. А он приехал с тетей Люсей, она воображает, что он самый умный, а меня, когда с мамой ругается, бандитом называет. Не люблю ее совсем, ну и что, что она моя тетя. А Валерка слабак, все время устает, ноет и жалуется. Пошли за красными до второго поворота, ну совсем немного в лес зашли, а он уже жалуется, что все бабушке расскажет, а он просто устал, но не признается, а на бабушку все сваливает, что это она запретила. А что ему, жалко, мы же только до мостика через лесную канаву дошли, там ящерицы на солнышке греются. Их никак не поймать: только выскочишь – они сразу между бревнами убегают, даже непонятно, как это они так быстро бегают-то. Ну, заблудились немножко. Да и не заблудились, просто я его испугать захотел и завел, где лиственницы растут рядами, посадки. Я там много гадюк видел, хотел ему показать. Мишка-то тихий, он раньше жаловался, когда совсем маленький был, а теперь – нет, но, когда он с Валеркой вместе, они совсем противными становятся, шепчутся все время между собой.

Ну я и говорю им, что вот не знаю, куда идти. Мишка молчит, а Валерка свои толстые губы выпятил, плакать собирается. А я говорю, что, типа, не бойтесь, я всю войну прошел, в разведке был, но немножко, а так все на передовой, постоянно, всякие

наступления там, скукотища. Братья глаза круглые сделали, притихли. А меня совсем понесло: ранили меня несколько раз, говорю, в госпитале я долго был, мне ногу в бою оторвало, так мне обратно ее пришили. Я и рану им показал, это я, пока они не приехали, на помойку ходил, змей там искал, ну и упал на раму ржавого велосипеда, так, синяк, но царапина большая, классная. Ну а раз я на войне не пропал, то и в лесу мы не пропадем. Я и землянку одну видел. А Мишка говорит: что мы с комарами-то делать будем? Как что, отвечаю, а спички на что, мы костры будем жечь, чтобы комаров отпугивать. А Валерка опять плакать собирается и говорит, что он голодный ужасно. А это не проблема, говорю. Потом мы ящериц наловим, а пока вон, сыроежки, у лиственниц растут. Вот их и поест можно, они так и называются, потому что их есть можно сырыми.

Нет, я как увидел, что никакие истории про войну их уже не радуют и они сейчас реветь начнут, ну и волновался немножко тоже, что от сыроежек им плохо будет, то я дорогу нашел. Не сразу, конечно, а по мху на деревьях там, по облакам и по стуку дятла, чем вызвал неподдельное восхищение братьев. Да я и сам завидовал, что у них есть такой умный, взрослый десятилетний брат. По дороге Валерку стало тошнить, а дома стало совсем плохо. И вот ведь плохо человеку, а он про других гадости рассказывает, что это я сыроежки ему предложил есть. Я же

не заставлял его есть так много, и он сам говорил, что они горькие, так не ел бы. Сам виноват. А Мишку не рвало совсем. Так, немного температура поднялась, бабушка шептала, что почти сорок, а что такое сорок? Вода вон при ста кипит, я-то знаю. Я его потрогал тихонько, пока он спал, и никто не видел, ну теплый, даже не горячий, вот чайник горячий. Все вот взрослые преувеличивают. А меня дед немного выпорол, не больно, конечно, только обидно: я ведь братьев из леса вывел, спасти хотел от голодной смерти, что говорить, одно понятно, несправедливость...

А солдатиков он зачем привез, играть? Нет! Хвастаться! Алюминиевые, блестящие, крестоносцы. Таких ни у кого нет. А он даже потрогать не давал. Так понятно, что воровать нельзя. Но воровать – это когда в дом залезть, дверь там сломать, может, убить хозяев, забрать деньги и драгоценности. А солдатики противного брата – это не считается. Меня из-за него выпорол, он хвастался. Да, крестоносцы жутко классные. Но Валерку после того, как он заболел, увезли домой поправляться, а солдатики остались на веранде. Он про них даже не вспомнит, у него наверняка еще такие есть. Он, наверное, еще долго болеть будет, а потом долго выздоравливать, а потом уже в школу скоро, а потом они в гости к нам все равно придут, там можно и отдать, а то так они на веранде и останутся, а дедушка не заметит и выбросит. Так что их просто нужно забрать.

А моя сумка лежит в большой комнате, а там Валеркин папа сидит, дядя Ваня, газету читает. Так что сразу всех не принести, а то он еще подумает, что я их украсть хочу. Лучше по одному. Беру один, несу за спиной. Дядя Ваня сидит. Я иду, тихонечко, пол скрипит. Сажусь на диван. Одной рукой открываю сумку, кладу крестоносца. Беру из сумки книжку, спрашиваю у дяди Вани, можно я ее возьму. Он не слышит. Подхожу к нему. От него дымом табачным пахнет. Ты чего, спрашивает дядя. Ничего, говорю, вот, книжку взял. Угу, говорит дядя. Иду на кухню, книжку на комод положил, а самого тянет на веранду, просто засасывает. Подошел к зеркалу, вижу, щеки красные, а глаза в сторону все время убегают. Пошел на веранду, там луком пахнет, он на стенах висит. Беру крестоносца, несу в большую комнату, скриплю половицами, сажусь на диван. Дядя на меня смотрит, потом начинает опять читать газету. Я кладу крестоносца в сумку, достаю оттуда свитер. Не глядя на дядю Ваню, немножко громко, так, говорю, что очень холодно, что хочу свитер надеть. Он поворачивается, улыбается, а я совсем расстроился, свитер натянул. И так потный был, а тут совсем как мышь взмок. Пошел в свитере на улицу, а там совсем жарко. Стре-

козы летают, собаки молчат, бабушка с Раей у забора разговаривают. Бабушка меня увидела, руками всплеснула и спрашивает, чего это я в свитере? Ну, я и говорю, что холодно мне, я ж не скажу, что это я солдатиков... как это... ну, в сумку кладу, а оттуда свитер достаю, а иначе что я там, в сумке-то, роюсь.

Бабушка отвела меня в свою комнату, поставила градусник. А у меня и правда температура поднялась, от волнения, что ли, а может, от свитера. Бабушка ушла в магазин, а я – на веранду. Беру очередного солдатика, иду в комнату, а там дядя Ваня на диване спит, прямо у моей сумки. Я тихонько солдатика в сумку сунул, а дядя глаза открывает и спрашивает, чего это я тут все время лазаю. А мне носки шерстяные под руку в сумке попались. Я и говорю, что совсем замерз и носки показываю, мол, надеть хочу. А дядя глаза и закрыл.

Кошмар, думаю, ведь в сумке только пальто и осталось, мне переделали его из какого-то старого. Ну что, пальто надеть придется? А потом? Крестоносцев не меньше двенадцати! Тут вернулась бабушка, и я побежал в ее комнату и лег в постель. Она подошла и положила мне руку на лоб. Лоб был горячий, как у Миши, когда он заболел. Но он-то уже поправился и его увезли домой, мама сказала, что увезет его, чтобы я его еще чем не отравил. Вот ведь глупость. Надо мне, они сами эти сыроежки лопали, я-то не ел! Но мне и вправду стало плохо, то ли от перегрева, то ли от того, что не все солдатики были уже в сумке. Но стоило мне снять свитер и шерстяные носки – полегчало, и я даже отправился пить чай с вареньем.

Варенье оказалось пресным. И печенье – сухим. Я пошел спать, но сон не приходил. Большие зеленые кузнечики стрекотали во все горло. Соседские мальчишки говорят, что это цикады, но это кузнечики, я сам их видел. Они такие зеленые-зеленые, как молодой укроп, а на груди у них такое коричневое пятнышко. Я хотел одного поймать, а он меня укусил, да еще больно так. И вот они трещат, как сумасшедшие. А еще собаки лают: гав-гав, тихо, гав-гав, громко, гав-гав, средне так, и снова по кругу, как будто в игру играют, а кузнечики на них не обращают внимания, стрекочут. И мыши за стеной, те так вообще ни на собак, ни на кузнечиков не отвлекаются и все ползут, как бы под обоями. Если поцарапать стенку, то они затихают, а собаки и кузнечики на царапанье не откликаются. Я тихонечко погавкал, мыши затихли, а бабушка зашла в комнату, мол, чего это я кашляю, совсем заболел, а я говорю, что нет, просто я гавкаю. А сказала бабушка, ну, спи, спи. Надо же, подумал я, кашлять – плохо, а лаять – хорошо. Странно. Но гавкать больше не хотелось, а стрекотать не

получалось, я пробовал, зубов мало, два выпали, а без них не стрекот получался, а такой звук, ну как прабабушка чай пьет. Душно. Форточку открыл. А кузнечики прямо в форточку стрекотать стали, и ветер прямо в комнату начал дуть, так дуть, занавеску качать, а от нее на стене всякие пауки поползли: то ко мне, то от меня, то ко мне, то от меня.

Ба-шка! Бабушка! Ну, что ты не спишь? Тут пауки! Какие пауки, совсем сбрендил? Да нет, вот на стене. Фу ты, холера, спи! А можно чаю? Нет. Ну мо... На, греть не буду! Чай противный, холодный, мимо рта, на майку, на подушку. Лег. Мокро. Бабушка опять засопела, дядя Ваня на диване в большой комнате спит. Встаю, ищу тапки, мыши затихают, пошел в сени, в туалет. Там пахнет, туда не смотрю, так, что все мимо, вытер чуть-чуть. Но обратном пути, ой, мама, бабушка, ты меня испугала, я в туалет ходил. Ты уснешь, наконец, пусть мама тебя забирает, этих отравил, меня до смерти напугал в туалете ночью, а мокрый-то весь отчего? Как ты на майку-то написал? Бабушка, ты что, это чай! Ага, чай, меняй майку, холера, и спать.

А подушка все равно мокрая. И все спят. Только крестоносцы не спят на веранде. Но туда две двери и две обратно, а потом скрипучий пол в большую комнату, а там дядя Ваня, а может, я тише собак пройду, и тише кузнечиков, и тише мышей. Нет, если я тише мышей смогу, то точно никто не заметит. Только страшно очень, может, это и не мыши, а пауки большие, собираются на меня напасть на веранде. Или большие кусачие зеленые кузнечики, собрались полакомиться луком на веранде, а тут я, а они на меня и набросятся. Ну а если я пальто дедушкино надену? И валенки, чтобы ни пауки, ни мыши меня не покусали? Да, в валенках и идти тише получается. Сейчас, шапка нужна, и варежки, нет варежек, ага, вон чулки бабушкины висят, немного мокрые, не страшно, на руки надену. Класс! Открываю дверь тихонечко, вот дверь на веранду, только не смотреть в окна, там кузнечики челюстями клацают, пауки по стенам ползут, хватаю несколько солдатиков, дверь запереть на ключ, дверь в комнату, скольжу, как на коньках по коридору, а пол не скрипит, когда как на коньках, и еще раз, и еще, последний – выезжаю в комнату, кладу тихонько крестоносцев в сумку, разворачиваюсь, но один чулок цепляет дядя Ванины очки, они падают... Черт, черт, черт, а черт, только не просыпайся, только не просыпайся, но дядя Ваня как мертвец в пионерлагерских рассказах, про всякое черное-черное, медленно поднимается так в кровати, сидит с закрытыми глазами, а потом как заорет, вот так: а-а-а-а-а! Я как стоял в пальто, валенках, шапке и чулках мокрых на руках, так и за-

мер. Тут бабушка прибегает на крик, свет включает, а дядя Ваня, уже лег и, во дает, заснул и снова просыпается от света. Он сидит, бабушка в ночной рубашке, я в пальто, один чулок упал. Интересно, кто такие психи – мне только это в голову пришло...

Бабушка громким шепотом спросила меня, хотя никто не спал, что я тут делаю, а мне вправду так плохо стало, что я не знал, что ответить, и сказал, что меня тошнит. Уж не знаю, было ли это объяснением для бабушки, но она уложила меня спать, и я заснул, несмотря на кузнечиков, собак и мышей, а бабушка, когда за мной приехала мама, шепталась с ней и смотрела так, со слезами, и несколько раз повторила про какой-то «изм» и еще про луну. Но я не стал говорить, что я не этот «изм», а нормальный похититель крестоносцев, причем не самый злостный, так как еще три солдатика остались на веранде. При этом слово «похититель» мне очень понравилось, потому что это звучало совсем не стыдно и даже интересно.

Последних солдатиков я просто взял и положил в сумку, никого в комнате не было. Дядя Ваня уехал, мама с бабушкой сидели на скамейке у черноплодки, и я из маленькой комнаты слышал, о чем они говорили. Бабушка вздыхала, мама всхлипывала, солнце рябило в ветках черноплодки. И я решил во всем сознаться, а то мама с бабушкой совсем могут расстроиться. Я собрал всех солдатиков в охапку, отнес их на веранду, расставил их там, совсем чуть-чуть поиграл с ними, минуточку, вставил ноги в дедушкины рабочие ботинки и вышел на улицу, зашел за дом, где сидели мама с бабушкой, подошел к ним и сказал, что пусть они не волнуются, что я как честный человек, все вернул. Тогда мама спросила, давно ли я писал, и я сознался, что довольно давно. А она попросила меня сходить в туалет, а потом сесть в комнате и ждать, пока она соберется. И еще спросила, смогу ли я сам до вокзала дойти. Я сказал, что постараюсь, хотя не понял, почему она спрашивает, и просто хотел быть вежливым.

Когда мы приехали домой, все пошло по-старому, только вот что интересно, мы сходили к одному странному врачу, он все вопросы спрашивал – про братьев, люблю ли я их, картинки странные показывал и все время повторял, что, угу, и что ему понятно, причем вообще все понятно. Я еще несколько раз к нему с мамой ходил. Смешной такой доктор, в гости все время с мамой меня приглашал. А крестоносцы так на веранде и остались, и за грибами следующим летом братьев со мной не отпускали. Но я ни на кого не обиделся, потому что понимаю, что похититель – это не очень хорошо, да и Валерка не такой противный. Вот.

Февраль 2011 года